

Воскрешение обители

Имя великого угодника Божия Николая известно во всём мире, но нет земли, где бы он почитался так трепетно и благоговейно, как в России. И нет в России человека, который не слышал бы имени этого святого, не знал о его чудесах, скором заступничестве и помощи в трудных и отчаянных обстоятельствах жизни. Без сомнения, он самый близкий, самый тёплый, самый родной святой Русской Православной Церкви. Святитель Христов Николай вместе с Царицей Небесной считаются главными заступниками и хранителями Святой Руси.

«Никола — имя знаменито, победе тезоименито; побеждает агаряны, утешает христианы», — так пелось о Николе Чудотворце в народе. И даже народные сказки и былины представляют Угодника милостивым и скорым помощником, который не гнушается никаким человеком ни в какой ситуации.

Избрав себе однажды такого Учителя, русский народ уже не отступал от него никогда. Особо зримо возрастала помощь Николы Чудотворца русскому народу в годы смут и вражеских нашествий. «За грехи наши Бог наказывает нас врагами», — всегда говорила в подобных случаях Русь и тотчас вслед за бедствием обращалась внутрь себя, испытывала себя и очищала от внутренних недугов.

Нет на каноническом пространстве Русской Православной Церкви епархии, в которой бы не было монастыря или храма во имя великого Угодника Божия — Святителя Николая Мирликийского. О некогда любимой и известной многим монашеской обители на лесной, живописной речке Сольбе, неспешно протекающей по границе земель Московской и Ярославской, наш рассказ.

В начале начал

Из «Летописи» священника Василия Дроздова узнаём, что в древних писцовых книгах ещё в 1544 г. за монастырём уже числятся обширные земельные владения и хозяйство.¹ Эта первая исторически достоверная дата позволяет сделать вполне обоснованный вывод, что обитель Святителя Николая на Сольбе была основана, как минимум, на сто лет раньше. В то время по всему лицу земли Русской дивные и многочисленные ученики преподобного Сергия Радонежского в самых глухих и отдалённых уголках её ставили свои святыне обители — оплот Православия и фундамент государственности Российской. Ученики Преподобного шли в непроходимые северные леса, скрывая свои обители и от хищных глаз разбойных ордынцев, и от тщетной суеты и славы мира сего. Большого молитвенного духа должны были быть те подвижники — первые черноризцы, искавшие уединения в здешних глухих лесах, вдали от всякого человеческого жилья, в местах, по сию пору известных гнусом и зверьём лесным.

После шестикратного разорения и истребления населения Переславля-Залесского и его окрестностей ордынцами, не менее жестокого нашествия интервентов-католиков в лице польско-литовских военных отрядов и, особенно, после советского периода богоборчества,

*Сойкин, И. В. Воскрешение обители / И. В. Сойкин // *Десятина*. — 2006. — № 6 (117). — С. ?.

¹Отметим, что автор не обратился ко внятному историческому источнику, а пользуется случайными выписками. — *Ред.*

остаётся только радоваться, что сохранились Промыслом Божиим подлинные документы, связанные с прежней жизнью нашей Церкви.¹

В «Летописи» приведена выписка из древнего синодика пустыни:

В Смутное время «посети Господь место сие и грядущим гневом Своим храма Своего не пощаде. Тии окаяннии ляхи и храмы Святителя Божия и Чудотворца Николая пришествием своим до конца разграбиша, и живучи на том месте немалое время, дондеже их самех разбойницы рустии ту всех низложиша, и жиша разбойницы на том месте несколько время. Зело бо удобно к сожитию тех; зане леса велики, живущих близь не бе никогоже в тоя времена. И тако остася храм угодника Божия и место Ляхове и разбойниками стало пусто якоже летописцы повествуют, девяносто семь лет».

В 1711 г. Указом Императора Петра I, вследствие прошения влиятельного архимандрита Переславского Троице-Даниловского монастыря Варлаама Высоцкого, Николаевский монастырь был приписан к Переславскому Борисоглебскому «что на песках» монастырю и в том же году официально возобновлён под именем Сольбинской пустыни. Через 20 лет началось строительство соборного каменного храма во имя Успения Божией Матери с приделами в честь Усекновения главы Иоанна Предтечи и Святителя Николая. С 1742 г. Пустыни предоставлено право быть самостоятельной и не иметь зависимости от Борисоглебского монастыря.

Из «Летописи»: «Обработка полей производилась наймом окрестных жителей или рабочих людей при пособии монастырской братии. Вследствие такого хозяйства в пустыне хлеб не купленный, а корм для скота готовый». Принадлежала Пустыни и речка Сольба, протекавшая по её землям, — давала чистую воду, рыбу, молола своей силой зерно на двух водяных мельницах. На заливных полях за рекой пустынножители разводили огороды и косили сено.

Никольский монастырь (Сольбинская пустынь) был для местных жителей не только «источником рабочих мест», но и прежде всего — «Домом молитвы», примером для подражания, добрым помощником, терпеливым учителем, опытным и любящим воспитателем. О благочестии местного населения повествуется и в «Летописи»:

«Окрестные жители Пустыни — поселяне; все — православного исповедания, раскольников нет, и никогда не было. Жители ближайших деревень... чаще посещают монастырский храм, чем свои приходские церкви... Они, как и вообще здешнего края крестьяне, довольно благоговейны, усердны к храму Божию... милостивы к бедным, но не чужды и некоторых пороков: пьянство глубоко пустило корни в простонародии с тех пор, как упразднено крепостное право и дарована свобода. Оно, как и недород хлеба, увеличили в народонаселении бедность и нищету».

В самом начале минувшего века Сольбинская пустынь была обращена в женскую. На первое время в Пустыне собралось 25 сестёр. Настоятельницею Пустыни была назначена монахиня Макария, для совершения богослужения — белый священник о. Леонид Гиляревский. К 1913 г. Сольбинская пустынь приведена сёстрами в идеальное состояние. Жизнь в обители течёт мирно. Отчисляется на миссионерские нужды ежегодно 300 рублей. Число сестёр достигло 99. Последняя запись сделана в годы Первой мировой войны. Сёстры шьют бельё для воинов и жертвуют на армию полушубки и холсты. Более поздние записи не сохранились. Нет свидетельства, дожила ли игуменья Макария до 1917 г. или же его испытания пришлось на долю иной настоятельницы.

Поругание обители

В ноябре 1918 г. Николо-Сольбинский монастырь усилиями (и по настойчивой инициативе) местной партячейки был ликвидирован. Для оправдания в глазах народа своих преступных действий большевики изощрялись в сочинительстве клеветнических статей.² В газете «Известия Владимирского губернского и уездного советов» от 11 марта 1919 г. появилась статья «Запасливые матушки». Приведу её полностью:

¹Как правило, они сохранились промыслом советских музейных и архивных работников. — *Ред.*

²Сегодня их оппоненты точно повторяют эти действия. — *Ред.*

В Сольбинской обители, отстоящей на 30 вёрст [32 км] от Переславля, недавно был произведён обыск, давший интересные результаты. В амбаре нашли пудов 200 [3 276 кг] хлеба и, кроме этого, в тайном месте по указанию нескольких монахинь отыскали ещё 50 мешков муки, ржи 50 мешков, церковной серебряной утвари пуда два («лишней», по словам монахинь), 500 аршин [355,6 м] холста. Вскрыли кладовые, игуменскую и монастырскую. В монастырской оказались: мука, масло постное, грибы, соль, а в игуменской — масло скоромное (коровье), яблоки, ландрин, кофе и другая постная пища. Но что всего интереснее — это найденные у игуменьи несколько флаконов духов. Много и другого нашли в монастыре, но довольно и перечисленного, чтобы открыть глаза слепцам, верующим в эти вороньи гнёзда-обители.

К досаде своей, не найдя при обыске ничего предосудительного, в единственную вину монастырю «экспроприаторы» поставили его благосостояние. Да ещё благовонные миро и освящённый елей, принятые невежественными комиссарами за «духи», стали поводом для сатанинской ухмылки.¹

8 июля 1919 г. в той же газете появляется новый «материал», ещё более зловещий:

С первых же дней ликвидации Пустыни, духовные отцы во главе с о. Семьинским, который в роли священника и агента бывшей жандармской охранки собирал секретно сведенья о коммунистах, вся эта чёрная свора, при помощи праздно шатающихся монашек бывшей пустыни вела широкую агитацию среди тёмного крестьянского населения, натравливая последних на коммуну «Новая жизнь». Агитация велась в церквях и на общих собраниях и была направлена к тому, чтобы удалить коммуну и восстановить монастырь. В глухом медвежьем углу Переславльского уезда отцы духовные и их верные поклонники и поклонницы, как чёрная стая птиц, собирались на заранее приготовленную квартиру местного кулака деревни Вороново, что в двух верстах от коммуны «Новая жизнь». Но вороны были накрыты как раз вовремя, и их злой замысел лопнул, как мыльный пузырь. Виновные получают заслуженное.

Сквозь злобу, клевету подобных статей «революционной прессы» всё же просвечивают реальные трагические события и исковерканные человеческие судьбы. Ярославские чекисты раздули целое обширное «дело» о «сольбинском заговоре» и «тайном монастыре». Не имея возможности рассказать подробно о подвигах стояния в вере известных нам сегодня насельников Николо-Сольбинского монастыря, лишь упомянем их имена, которые, надеемся, Господь золотыми буквами записал в Книгу Жизни вечной «прежде всех век»:

Отец Леонид Гиляревский служил на Сольбе с 1914 г. Имел 12 детей. Когда монастырь закрыли, переехал в Переславль-Залесский и служил в храме Сорока мучеников. В 1937 г. арестован «как руководитель монархической террористической группы». Расстрелян.

Игумен Игнатий (Савочкин Иван Хрисанфович). С 1930 по 1933 гг. в ссылке, после отбытия назначен священником на Сольбу. Судя по протоколам допросов, отец Игнатий был ревностным по Бозе человеком и не скрывал своего мнения о советской власти, предсказывал её падение, называл коммунистов антихристами. Проводил работу с родителями детей школьного и дошкольного возраста, в результате чего «посещаемость церкви детьми увеличилась», «привлекал детей икононошами», очевидно, на крёстные ходы. Арестован 9 августа 1937 г. и расстрелян через 11 дней.

Иеромонах Паисий (Елисеев Иван Платонович) был назначен священником на Сольбу незадолго до ареста, о чём он сам в протоколе допроса свидетельствует: «На Сольбинский приход я только что поступил священником и провёл лишь две церковные службы». Иеромонах Паисий был расстрелян 20 августа 1937 г., через две недели после ареста. Такова цена кажущегося нам порой таким обыденным Богослужения!

Никитина Анна Васильевна, певчая. 12 февраля 1930 г. арестована и осуждена на три года. Дальнейшая её судьба неизвестна.

¹ В 1919 году шла война, в центральных губерниях России был голод. Это стало причиной для повторения продовольственной развёрстки (которая была введена правительством Николая II со 2 декабря 1916 года и затем Временным правительством в октябре 1917 года). В деревню отправились продовольственные отряды, которые изымали у крестьян лишнее продовольствие, не нужное для питания и посева. Сами по себе запасы зерна и муки были предосудительны, ведь рядом с ними умирали голодные люди. — *Ред.*

Суворова Евдокия Феодоровна, певчая, арестована 24 октября 1937 г. Через полгода умерла в больнице Ярославской тюрьмы.

Суворова Мария Михайловна, арестована 31 октября 1944 г., осуждена на 10 лет, умерла на пересыльном пункте 20 марта 1945 г.

Во многом знаменателен тот факт, что расположенный «в медвежьем углу» монастырь был закрыт в 1918 г. — одним из первых, если не первым в России. Начало незаконной советской кампании по закрытию монастырей приходится на пяток лет позднее.

Инициаторы закрытия Николо-Сольбинской обители сами напрямую связывают его с организацией коммуны «Новая жизнь». Этот авантюрный и бесчеловечный «эксперимент» по воспитанию «нового человека» и рассчитанный быть распространённым на всю страну, с треском провалился, как только доели припасы «запасливых матушек».¹

Из воспоминаний старожилов:

Всех детей, приехавших из соседних деревень вместе с родителями в коммуну, почти полностью отделили от семьи. Старших поселили в интернат, для младших открыли образцовые детясли и детсад.

Настроения и раздоры, приведшие к развалу, возникли в самой коммуне:

Женщины (жёны коммунаров) любили ходить в монастырскую церковь, которая вплоть до 1937 г. служила почти ежедневно и находилась в ограде рядом с домами. Все женщины-коммунарки думали, что так всё и будет. Они успевали и на работу ходить, и в церковь. Натаскали в квартиры икон, навешали лампадок, и всё это им нравилось, и жили спокойно... Мужчины всё же осознавали, зачем они сюда приехали. И в уставе коммуны говорится, что религия должна отпадать... а потому решили вести борьбу и воспитание среди своих семей, через что у нас в коммуне пошло всё вразрез и раздор. Вот семья Кочневых. Он хороший кузнец, у него жена доярка, у них двое детей, жена ждёт третьего. Муж ей сказал, что от религии надо потихоньку отвыкать... Жена его неграмотная, но волевая: „Это что ж? Я скоро рожу и не имею права окрестить своего ребёнка?“ И, не долго думая, забрала своих двух мальчиков и уехала домой, где они ещё дом не продали. И ещё случай. У Ф. М. Королёва заболела жена, рак, безнадежно, у них пять детей. Жена испугалась. „Я умру, — говорит, — и меня положат как головёшку не отпетую.“ Тоже забрала своих детей и уехала...

Зоя Николаевна Колосова из деревни Машино вспомнила, как один бывший коммунар рассказывал её матери о том, что застали они в монастыре полное изобилие. Всякого добра, и зерна, и дров столько было приготовлено, что все они «Ура!» кричали, и казалось, что им тут на всю жизнь хватит. Только года не прошло, как всё уже съели. «Вдова! — каялся он перед известной своей строгостью и благочестием Фёклой Григорьевной. — Дураки-то мы какие были! Всё кричали: „Ура! Ура!“, а надо было кричать: „Дурак! Дурак!“».

Серия арестов 1937 г. сопровождалась окончательным закрытием и разорением Свято-Успенского Никольского храма на Сольбе. Поначалу здесь устроили детский дом, дети в котором, по свидетельству очевидцев, часто гибли от безнадзорности и истощения. Позже в искалеченных монастырских строениях открыли психбольницу. Как было заведено в то время, в самом храме разместили столовую, в алтаре сделали туалет. В Никольском приделе устроили котельную, прорубив выход через алтарь, к приделу пристроили огромную кирпичную трубу, выше купола. Больные, кому было по силам, часто убегали отсюда, их ловили, избивали и помещали в карцер. Всё это представляло опасность и для местного населения. Святое когда-то место стали обходить за версту.

В 1994 г. власти Переславского района расформировали психиатрическую больницу. От неё остались обезображенное здание храма, бывший келейный корпус (в аварийном состоянии) и немисливо заваленная больничным и строительным мусором территория. В таком состоянии монастырь был возвращён Православной Церкви.

¹Коммуна действовала с 1918 по 1922 год. Сойкин предвзят и неверно передаёт события. Опубликованы воспоминания участников коммуны:

Гусев, Н. Т. Как мы жили коммуной / Н. Т. Гусев // *Победа (Нагорье)*. — 1957. — 2 ноября. — С. 1.

Павлов, И. Г. Сольбинские коммунары / И. Г. Павлов // *Победа (Нагорье)*. — 1957. — 24 сентября. — С. 2.

Возрождение духом

26 января 1998 г. вышел указ Высокопреосвященнейшего Владыки Михея, архиепископа Ярославского и Ростовского, о назначении на должность настоятельницы Николо-Сольбинского женского монастыря монахини Еротииды, согласно которому вскоре четыре первые насельницы обители (после восьмидесятилетнего перерыва!) прибыли к новому месту своего служения.

О том, как первые инокини воскресшей из небытия Николо-Сольбинской пустыни зимой, без отопления, телефонной связи, транспорта и денег, по сути — в глухом лесу, надеясь только на помощь Божию и покровительство Святителя Николая, приступили к восстановлению порушенных монастырских святынь, рассказать коротко не представляется возможным.

Автору приходилось видеть обитель и когда в ней располагалась психбольница, и когда на её развалинах продолжительное время проживали «бомжи», наркоманы и другие морально опустившиеся люди, и когда мужской соседний Переславский Никитский монастырь пытался «вахтовым» методом хоть как-то начать спасение святыни от окончательного разрушения. Воспоминания грустные — обители был нужен постоянный заботливый хозяин, тепло ежедневного Богослужения и непрестанной молитвы.

История Церкви, и не только периодов лихолетья, учит, что каким бы славным, сильным и богатым внешне не был монастырь, сколько бы святынь не хранил за своими стенами, главным его богатством всегда оставалась молитва его насельников. И если она по каким-то причинам иссякала или ослабевала — тогда не помогали монастырю ни его могучие стены, ни мощи святых, ни былая слава, ни связи в верхах — жизнь в нём замирала, а иногда и прекращалась вовсе, даже без внешнего врага.

С молитвы и начала старшая монахиня Еротиידа, когда пришла она с тремя сёстрами на святое, но неописуемо разрушенное и осквернённое место бывшей Сольбинской пустыни. Молились сёстры, когда долгими зимними вечерами ели одну чечевицу, молились, когда целый год вывозили мусор до десяти машин в день, молились, когда над продырявленной кровлей изуродованного храма водружали первый деревянный крест. И никому не приходило в голову подумать, что вот, мол, отстроимся, устроимся и тогда наладим благолепную церковную жизнь. Молитва шла всегда, и продолжает идти впереди всех дел и начинаний. С первых дней и по настоящее время в храме неукоснительно совершаются полные вечерние и утренние службы, ежедневные крестные ходы. По воскресным дням и праздникам эти крестные ходы торжественны, многолюдны, нарядны, по будням скромны — с иконкой и крестом, но обязательны всегда — и в дождь, и в зной, и в любой мороз.

И, конечно, особое значение в жизни монастыря имеет послушание. Послушание и по долгу, и по любви, главным принципом которого является личный пример: «Делай как я!», а не распространённое в наше время правило: «Делай, как я сказал». Не жалея сил, самоотверженно трудится на благо восстановления обители матушка; глядя на неё, так же усердно трудятся и сёстры.

Хрупкие плечи игуменьи несут на себе тяжкий груз ответственности за скорейшее возрождение монастыря, за жизнь, здоровье и покой сестёр. Бессонные ночи, частые вынужденные утомительные поездки и, в то же время, постоянный контроль за всеми повседневными делами обители не позволяют настоятельнице ни на минуту отвлечься или расслабиться. В округе сложно найти даже сторожа или шофёра. Монастырь постоянно находится в значительной внешней опасности, в нестабильном финансовом состоянии, что намного понижает эффективность и темпы его восстановления. Но сёстры во главе с матушкой-игуменьей не опускают перед трудностями рук, а силы преодолевать все препятствия и невзгоды дают всё те же молитва, богослужение и добрые, искренние отношения насельниц между собой, заметные даже постороннему человеку.

На сегодняшний день задачей первостепенной важности является для обители завершение строительства её стены, ещё только начатой.

Необходимость монастырской ограды диктуется реальной опасностью беззащитного жительства сестёр и храма в столь глухом месте, фактически посреди дремучего леса.

Приходится решать и целый ряд вопросов, связанных с обеспечением нормальной жизни монастыря. Требуются многие специалисты: водители, электрики и вообще толковые люди. И, конечно, техника.

Удалённость от городов и жилых центров оборачивается для воссоздающегося монастыря и другой стороной. Мир Божий с его кроткой тишиной и покоем располагают душу к молитве, богомыслию и созерцательности. Ни порывистые ветры, ни шумные грозы не нарушают этого глубинного покоя. Весь монастырь — как большой скит. Но доставлять сюда стройматериалы, продовольствие, оборудование очень непросто. До обидного много времени и сил уходит только на езду, крайне велики затраты на бензин, ускорен износ транспорта.

Сегодня, по прошествии восьми лет, любуясь золотыми крестами и куполами монастырских храмов, наслаждаясь благозвучием звона, радостно льющегося со стройной колокольни, гости и паломники слабо представляют себе, сколько упорного, часто изнурительного и сурового труда, сил и лишений стоило всё то, чему мы так искренне сегодня радуемся. Но все мы без исключения верим, что без личного участия самого святителя Николая Чудотворца в славном деле возрождения его обители, конечно, не обошлось. Здесь особо осязаема любовь и чудесная милость Божия к нам, современным христианам — раздражительным и неуживчивым, немощным, слабовольным.

На душе было радостно, и покидал я монастырь с желанием обязательно вновь побывать здесь: ощутить тёплое, живое присутствие Святителя и Чудотворца Николая, помолиться в его храмах, полюбоваться окружающей природой. И, конечно же, очень хотелось, чтобы о существовании этой жемчужины на гостеприимной ярославской земле узнали все православные добрые российские люди.